

ков, а также участия в разработке законопроектов, так или иначе затрагивающих природоохранные вопросы. Безусловно, достаточно трудно делать выводы относительно эффективности деятельности иркутского городского самоуправления в вопросах охраны природы в конце XIX — начале XX в., однако то, что данные проблемы серьезно беспокоили сибирскую общественность и были в поле зрения деятельности органов городского самоуправления, не вызывает сомнений.

Список использованной литературы и источников

1. Восточная Заря. — 1910.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. 176. — Оп. 1. — Д. 1756.
3. Городовое положение 16/28 июня 1870 г. [Электронный ресурс] // Журнал «Муниципальное право». — URL : <http://emsu.ru/ml/default.asp?c=48&p=1>.
4. Известия Иркутской Городской Думы. — 1904.
5. Отчет деятельности общества Сибирских охотников за 1894 г. — Иркутск : Типо-литография К. И. Витковской, 1895. — 20 с.
6. Отчет правления общества Сибирских охотников за 1916 г. — Иркутск : Паровая типография И.П. Казанцева, 1917. — 20 с.
7. Российский Государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 387. — Оп. 28. — Д. 720.
8. Сибирь. — 1910.
9. Сибирь. — 1913.
10. Сибирская заря. — 1909.

Информация об авторе

Курьшова Ирина Васильевна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра государственно-правовых дисциплин, Иркутский государственный технический университет, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Author

Kuryshova Irina Vasylijevna — PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of State Legal Studies, Irkutsk Technical State University, 83, Lermontov Str., 664074, Irkutsk.

УДК 502/504(091)
ББК 20.1г

М.А. МАЛЕНЬКИХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЕ В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ (1917–1920)

Кратко рассматривается развитие государственного лесопользования в дореволюционный период. Выделяются два процесса происходящих в государственном лесном хозяйстве в ходе самой революции — его разрушение и попытка восстановления.

Ключевые слова: охрана лесов, самовольные порубки, государственное лесопользование.

M.A. MALENKIKH

STATE FOREST IN THE IRKUTSK REGION DURING THE REVOLUTION (1917–1920)

Briefly discusses the development of the state forest management in the pre-revolutionary period. There are two processes taking place in the state forestry in the course of the revolution itself — its destruction and attempt recovery.

Keywords: forest protection , unauthorized felling , state forest.

В дореволюционное время лесное хозяйство Иркутской губернии выглядело следующим образом. На 8812 тыс. дес. общей площади лесов располагалось 17 лесничеств и 324 лесные дачи [2, с. 206]. В среднем на одну лесную дачу приходилось 27 тыс. дес. лесной площади. В административном отношении все лесничества подчинялись Иркутскому управлению земледелия и государственных имуществ.

По данным на 1 января все Сибирские леса охраняло всего 3273 человека, из которых было 1846 объездчиков и 1427 лесников. Так же еще числилось 1000 человек пожарных старост, полесовщиков и прочей стражи от местного населения, несущего натуральную повинность по охране лесов [2, с. 216]. Последние не получали вознаграждения за свой труд, и как следствие эффективность их была не высока.

При этом леса Сибири не приносили особого дохода. Наибольший доход от эксплуатации казенных лесов давала Европейская Россия — 88%, а Сибирь — только 12% [13, с. 129]. В то же время Иркутская губерния и вовсе с каждым годом становилась все более убыточной, что видно из табл. № 1 (Данные за 1911 г. и 1912 г. взяты из Статистических ежегодников России за 1914 г. [12, с. 107] и 1916 г. [13, с. 114] соответственно. Данные за 1913 г. взяты из работы Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900-1917 гг.) [9, с. 276]).

Экономическое состояние государственного лесопользования в Иркутской губернии в 1911–1913 гг.

Год	Валовый доход, р.	Расход, р.	Доход, р.
1911	176 301	234 058	–57 757
1912	174 424	243 572	–69 148
1913	112 307	224 929	–112 622

В связи с этим, выглядит сомнительным тезис Л.М. Горюшкина, что казенное лесное хозяйство в Сибири использовалось для эксплуатации крестьянских масс [9, с. 265].

Но это не мешало правительству искать экономическую выгоду от продажи лесов населению. Были приняты «Условия для продажи леса, с учетом по площади из казенных дач Иркутской губернии», «Условия для продажи мертвого (сухоподстойного, валежного, буреломного) леса, с учетом по количеству заготовленных материалов, из казенных дач Иркутской губернии». Вводилась продажа сырого леса с торгов на основании договоров, при этом брался 10% залог за обеспечение правильности рубок и 3% залог за очистку мест рубок. Покупатель был обязан охранять купленный участок, а также и ближайшие полосы на расстоянии 25 сажень. За повреждение леса полагалось административное взыскание двойной таксовой стоимости поврежденного леса или уголовное наказание. При покупке мертвого леса в Иркутской губернии покупатель должен был представить ручательство или денежный залог в размере 20% оценочной стоимости предполагаемых к заготовке материалов [11, с. 188].

Февральская революция 1917 г. кардинально изменила систему лесопользования. Уже весной во многих местах начались массовые несанкционированные порубки леса. Так в обращении к крестьянскому населению Иркутской губернии говорилось: «До нас, ваших депутатов, дошли слухи о том, что крестьяне Иркутского уезда производят самовольную порубку казенных лесов, расхищая таким образом общенародное достояние; с другой стороны они не дают возможности частным подрядчикам ни взять в аренду, ни произвести разработку уже снятых лесных дач» [3, л. 1]. В это же время Иркутский уездный Съезд разрешил бесплатный сбор валежника, но запретил рубку свежего леса.

Пытаясь предотвратить незаконные порубки леса, Лесной департамент Министерства земледелия 2 апреля 1917 г. предписал максимально расширить отпуск леса населению, причем распределять лес, опираясь на местные крестьянские органы. Если эта мера не помогала, лесничие могли обращаться к уездным комиссарам, прося их своим авторитетом воздействовать на крестьян. Но самое главное, не было предусмотрено действенного наказания для нарушителей, что делало закон неэффективным.

Стоит так же отметить, что на деле отпуск леса был осложнен бюрократическими проволочками. В с. Кибалинском градом был побит хлеб. Что бы избежать голода, население решило продать дрова с расчисток пашен. Но крестьянам было отказано в виду того что, земельный надел с. Кибалинского в то время еще не был утвержден, а следовательно и не был ограничен. Поэтому кибалинцы не имели права отводить продажу бесплатного леса с наделных участков, хотя бы и с площадей, предназначенных под угодия [8, л. 2–4].

В области казенного лесного хозяйства в Иркутской губернии революционное движение среди местного населения не могло не расстро-

ить и органов управления, главным образом на местах. В этом случае на первом плане явилось стремление освободиться немедленно от лесной администрации и взять все дело заведывания казенными лесами в свои руки. Возникшие на местах волостные и сельские комитеты, редко согласовывали свою деятельность с центральной властью и почти всегда поддерживали местное население. Как следствие этой несогласованности на местах с центральной властью явились случаи самочинных захватов населением казенных лесов, самовольного распоряжения казенным имуществом и неисполнение и даже противодействие законным распоряжениям местных чинов в деле охраны и эксплуатации казенных земель и лесов.

Важно отметить, что резолюции и решения волостных и сельских комитетов воспринимались как правовые, в отличие от государственных директив, если последние шли вразрез с чаяниями крестьян.

Уже с весны 1917 г. стали предприниматься меры к замене лесной стражи выборными от крестьянства. Так 1 мая Солонецким волостным исполнительным комитетом было принято решение об упразднении должностей казенных лесных объездчиков в районе Солонецкой волости и возложение охраны леса на местное население. Официальной причиной упразднения лесных объездчиков стало то, что «до настоящего момента в течение многих лет совершенно бездействовали, за что от прежнего Правительства исправно получали содержание и награды, которые продолжают получать и до сих пор» [4, л. 65–67].

И это был не единичный случай. 7 мая Жигаловским сельским комитетом Тутурской волости было постановлено отстранить от должности объездчиков: Ивана Черных и Семена Мурзина, как несоответствующих, по мнению комитета, возложенным на них обязанностям. 9 мая Дальнезагорский сельский комитет Ильгинской волости постановил отстранить от должности лесного объездчика Знаменского лесничества Михаила Безносова, как относящегося к своим обязанностям крайне небрежно и нерадиво, и назначить его заместителем крестьянина Семена Трифонова. Крестьяне с. Больше-Окинское Братской волости отстранили от должности без объяснения причин объездчика Николаевского лесничества Николая Черных [4, л. 110].

Все эти случаи Управление Земледелия и Государственных имуществ считало незаконными, и просило Губернского Комиссара отменить их.

В целом же, к лету 1917 г. во многих местах лесную стражу заменили на выборных от крестьян. В результате чего местные органы — волостные исполнительные комитеты и земельные комитеты стали фактически осуществлять лесопользование. И как следствие крестьяне получили практически неограниченный доступ к лесным богатствам. В этом ключе очень характерно постановление Верховенского уездного крестьянского съезда проходившего 15–20 мая. О пользовании лесами съезд постано-

вил предоставить гражданам уезда право пользоваться для своих нужд лесом в своих и казенных дачах бесплатно [10, с. 5].

Пришедшие к власти большевики продолжили попустительскую политику в отношении лесных порубок крестьянами. Почти во всех случаях рубки леса власти вставали на сторону крестьян. Когда в январе 1918 г. произошло столкновение качугских крестьян с Ленским Золото-промышленным Обществом, то местные власти по первому заявлению крестьян, проверили их жалобы. Было признано, что разрешение, выданное лицам на рубку леса, идет в разрез с крестьянскими интересами. И рубка была перенесена в другое место [7, л. 16].

Советская власть даже начала упразднять лесничества, сами лесничие были устранены как «чиновники, только вредившие делу» [7, л. 51об.], продолжались незаконные порубки. Безнаказанность заражала целые общества, и данные говорили за то, что движение разрасталось к весне. Жители с. Олха самовольно снимали рабочих с заготовок дров для горожан и железной дороги. Крестьяне деревень Максимово и Егорово вырубili лес Жердовской сельскохозяйственной школы [7, л. 16об.].

Те же явления отмечались и в феврале-марте. Граждане сел Ершова и Кузьмиха вырубili казенный лес. Губернские власти отреагировали только предупреждением. В Раздольинской волости был социализирован лесной обоз. Посланные инструктор уездного земельного комитета с представителем уездного совета смогли спасти только запасы фуража. В то время как 34 лошади пропали. Меры принятые уездным комитетом были явно неэффективны. Так было дано постановление об аресте виновных. Губернский комиссар выделил для этих целей наряд милиции. Но в тюрьму никого не посадили, понадеясь на моральный эффект [7, л. 50–50об.].

Меняться ситуация стала только после свержения власти большевиков в Сибири. С лета 1918 г. правительство активно взялось за восстановление администрации лесничеств, лесной стражи.

Лесным департаментом Министерства земледелия к началу 1919 г. была намечена широкомасштабная программа по восстановлению порядка в лесопользовании. Она предполагала увеличение платы за рубку леса. Отпуск леса следовало осуществлять по строгому плану, считаясь с действительным состоянием лесонасаждений и хищнической вырубкой леса населением в предшествовавшие месяцы. Крупное лесопользование ставилось на коммерческую основу и должно было приносить прибыль казне.

На совещании съезда заведующих уездными и аймачными отделами Иркутской губернии, проходившем 5–6 февраля 1919 г., был предложен способ для борьбы с незаконными порубками леса — оценка ущерба лесничими и передача дела в суд [6, л. 13].

Но усилия правительства не давали нужного результата. Вырубki леса продолжались. 11 марта 1919 г. Российское правительство поста-

новило создать специальные летучие отряды вооруженной милиции. Ужесточались и наказания за незаконные порубки леса. При этом расходы правительства на содержание лесного хозяйства не покрывались доходами от него [1, с. 67].

Пытаясь восстановить государственную собственность на леса Сибири, антибольшевистские правительства так и не смогли создать условия для ведения рентабельного государственного лесного хозяйства

Зимой 1919–1920 гг. на территории Иркутской губернии была восстановлена власть большевиков. Вместе с этим началась новая страница в жизни государственного лесопользования. 25 февраля 1920 г. был сформирован лесной подотдел Иркутского губернского земельного отдела. В нем было создано 4 подотдела: административный, лесоустроительный, культурно-мелиоративный и эксплуатационный. Сотрудники, для которых были набраны уже в начале марта. Всего в подотделе числилось 411 человек, из которых 19 работали в Иркутской канцелярии, 11 были лесничими, 28 товарищами лесничих и 280 лесными стражами [5, л. 40–42].

За годы революции можно наблюдать два процесса происходящих в государственном лесном хозяйстве. Первый — попытка ликвидации самого этого хозяйства крестьянами губернии в 1917 — первой половине 1918 гг. И второй — восстановление собственнических прав государством: сначала неудачная попытка антибольшевистских правительств, и более результативная политика советской власти, начиная с 1920 г.

Список использованной литературы и источников

1. Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. — Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2008. — 308 с.
2. Атлас Азиатской России. — Спб. : Издание Переселенческого Управления Главного Управления Землеустройства и Земледелия, 1914. — 629 с.
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. р-2. — Оп. 1. — Д. 3.
4. ГАИО. — Ф. р-2. — Оп. 1. — Д. 195.
5. ГАИО. — Ф. р-42. — Оп. 1. — Д. 460
6. ГАИО. — Ф. р-45. — Оп. 1. — Д. 117.
7. ГАИО. — Ф. р-46. — Оп. 1. — Д. 1.
8. ГАИО. — Ф. 741. — Оп. 2. — Д. 26.
9. Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.) / Л. М. Горюшкин. — Новосибирск : Наука, 1976. — 344 с.
10. Корреспонденция. Верхоленский уездный крестьянский съезд 15–20 мая // Наша деревня. — 1917 г. — № 3.
11. Курышова И. В. Правовое регулирование лесопользования в Иркутской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. / И. В. Курышова // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2010. — Иркутск : изд-во БГУЭП, 2010. — С. 185–191.

12. Статистический ежегодник России. 1914 г. (год одиннадцатый). — Пг. : Издание ЦСК МВД, 1915. — 611 с.

13. Статистический ежегодник России 1916 г. (год тринадцатый). — Пг. : Издание ЦСК МВД, 1918. — 121 с.

Информация об авторе

Маленьких Максим Александрович — аспирант, кафедра истории и политологии, Братский государственный университет, 665709, г. Братск, ул. Макаренко, 40, e-mail: genrik42@yandex.ru.

Author

Malenkikh Maksim Aleksandrovich — PhD student, Chair of History and Political Science, Bratsk State University, 40, Makarenko Str., 665709, Bratsk, e-mail: genrik42@yandex.ru.